
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЕГО ПОД СТРАЖУ

И.А. Бахромов

Кафедра уголовного права и процесса
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена вопросам обеспечения прав обвиняемого при применении против него заключения под стражу в уголовном процессе Таджикистана и России. Особое внимание обращено проблеме норм закона о соблюдении сроков содержания под стражей. Даны соответствующие предложения для совершенствования уголовно-процессуального законодательства об обеспечении прав обвиняемого при заключении его под стражу.

Ключевые слова: обвиняемый, заключение под стражу, обеспечение прав, УПК Российской Федерации, УПК Республики Таджикистан.

Вопрос об обеспечении прав и свобод обвиняемого приобретает особую актуальность на практическом уровне, при применении мер пресечения, поскольку именно в этой стадии активными участниками уголовного процесса допускаются нарушение вышеуказанных норм, гарантирующих обвиняемому права на защиту в полном объеме.

Следует отметить, что реальное применение перечисленных мер пресечения не одинаково отражается на гарантированных конституцией правах и свободах граждан, которые подозреваются или обвиняются в совершении преступления. Изучение практики применения мер пресечения судебными органами Республики Таджикистан (далее — РТ) показало, что больше всего права и свободы подследственного нарушаются при избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение под стражу занимает особое место среди остальных мер пресечения прежде всего своей правовой природой, правовыми пределами. Помимо того что эта мера процессуально оформляется постановлением судьи или определением суда (ч. 1 ст. 111 УПК РТ; ч. 1 ст. 108 УПК РФ), она имеет жесткий изоляционный характер, направленный на ограничение, стеснение прав и свобод обвиняемого, и поэтому она является мерой, значительно ограничивающей права и свободы обвиняемого. Такая характеристика меры пресечения в виде заключения под стражу обуславливает необходимость своевременного и надлежащего обеспечения прав обвиняемого, в том числе права на защиту со стороны органов предварительного расследования и суда.

С целью систематизации нарушений прав и свобод обвиняемого представляется целесообразным рассмотреть вопрос об обеспечении прав обвиняемого при применении против него заключения под стражу.

Заключение под стражу является самой строгой мерой, связанной с определенными правоограничениями и лишением обвиняемого свободы. Несмотря на суровый характер данной меры, она является самой распространенной мерой на практике после подписки о невыезде. Согласно информации Совета Юстиции Республики Таджикистан в 2011 г. судами было выдано 3878 санкций на арест (в 2010 г. — 2491). В 129 случаях по различным причинам судами было отказано в выдаче санкции на арест [11]. Мониторинг судебных процессов по санкционированию ареста в Таджикистане выявил, что судьи выносили постановления, определения, ходатайства относительно органов следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в 13 случаях из 14 в отношении задержанных лиц [7. С. 22].

Правоприменительная практика в России также свидетельствует о том, что заключение под стражу является второй по частоте применяемой мерой в российском уголовном процессе. Так, по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ, только за первое полугодие 2011 г. суды рассмотрели 74 780 ходатайств следователей, дознавателей об избрании заключения под стражу, из которых удовлетворено 66 847 соответствующих ходатайств [12].

Ярко выраженный изоляционный характер заключения под стражу, значительно ограничивающий права и свободы обвиняемого, обуславливает необходимость полного соблюдения законности и обоснованности ее применения в отношении обвиняемого со стороны органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Законность применения заключения под стражу заключается в соблюдении установленной уголовно-процессуальным кодексом процедуры применения этой меры пресечения, а его обоснованность состоит в соблюдении требований для заключения обвиняемого под арест, при наличии оснований, предусмотренных ст. 102 УПК РТ.

Не останавливаясь на подробном анализе норм, относящиеся к применению данной меры пресечения, рассмотрим основные гарантии обеспечения прав обвиняемого при избрании в отношении него заключения под стражу.

Одним из основных достижений нового УПК Таджикистана является предоставление подозреваемому (обвиняемому) права пользоваться услугами защитника с момента его задержания (ч. 1 ст. 22 УПК РТ).

Уголовно-процессуальный закон гарантирует данное право обвиняемому и обязывает судей, прокуроров, следователей, дознавателей принимать все предусмотренные законом меры, обеспечивающие его право на защиту, право пригласить защитника по своему выбору и право пользоваться услугами защитника бесплатно. Однако, несмотря на законодательные гарантии вышеназванного права «в правоприменительной практике страны отсутствие доступа адвоката к подзащитному является серьезной проблемой» [3. С. 23].

Основным гарантом обеспечения прав обвиняемого является то, что заключение под стражу избирается по постановлению судьи либо определением суда (ч. 1 ст. 111 УПК РТ).

Следует отметить, что данное положение получило свое закрепление в новом УПК РТ и начало действовать с 1 апреля 2010 г. До этого времени санкцио-

нированием ареста занимались органы прокуратуры. Просьбы об изменении порядка передачи, санкционирования и избрания меры заключения под стражу от прокуратуры, судебных органов и представителей следственных органов высказывались неоднократно. Так, например, около 60% опрошенных представителей следственных органов МВД жаловались на трудоемкий и длительный процесс получения санкций и большую бумажную волокиту.

Представители прокуратуры и следственных органов жаловались на тяжелый и очень длительный процесс решения вопроса об избрании меры заключения под стражу, что, по их мнению, создает барьер для своевременного сбора и закрепления доказательств [7. С. 20].

Возможно, для следственной практики процедура получения санкции у прокурора была удобной и упрощенной, но отнюдь не объективной и не демократичной, поскольку прокурор также заинтересован в исходе дела, он утверждает обвинительное заключение и в суде поддерживает обвинение следствия. При таком подходе нельзя быть уверенным в объективности, законности и справедливости.

Следует подчеркнуть, что передача полномочий судам по санкционированию ареста в Таджикистане, как и в России и в западных демократических государствах, означает усиление гарантий прав личности на свободу и предотвращение практики незаконных и необоснованных арестов.

Согласно ч. 3 ст. 111 УПК РТ постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей городского или районного суда, или гарнизонного военного суда соответствующего уровня, с участием подозреваемого, обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого.

В процессуальной литературе высказываются различные суждения о субъекте принимающего решения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу и о том, в какой-мере он будет связан с данным решением при разрешении дела по существу. Так, по мнению Л.Г. Татьяниной, «субъективный фактор в уголовном процессе имеет наибольшее распространение, поэтому в целях исключения принятия необъективного решения, обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина следует исключить возможность участия судьи, осуществляющего судебное санкционирование, в рассмотрении уголовного дела по существу» [10. С. 439].

С целью устранения проблем с отводом судьи учеными предлагается ввести в уголовный процесс России институт судебных следователей, на которых бы и возлагались обязанность санкционирования арестов. Подобный порядок имело место в царской России, существует в целом ряде стран Европы, а также в США [6 С. 153]. Действует порядок выдачи разрешения на арест судьями, которые не уполномочены рассматривать уголовные дела по существу.

М.Г. Гайдышева предлагает закрепить в ст. 63 УПК РФ нормы о недопущении участия в рассмотрении дела по существу судей, которые принимали

решение о применении к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока содержания обвиняемого под стражей [2. С. 116].

В основе изложенных выше точек зрения лежит тезис, что судья не может быть совершенно беспристрастен в оценке обстоятельств дела и в какой-то мере будет связан своим прежним мнением, если он однажды высказал свое мнение по вопросам, относящимся к рассматриваемому делу.

Данное обстоятельство было учтено законодателем Таджикистана в ст. 62 УПК. Согласно данной статье судья, принявший постановление о заключении под стражу или домашнем аресте подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, о продлении срока их содержания под стражей, домашним арестом, не может участвовать в рассмотрении того же дела в судах первой, кассационной или надзорной инстанций.

Заключение под стражу, согласно ч. 1 ст. 111 УПК РТ, принимается в отношении подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. К подозреваемым, обвиняемым или подсудимым в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена по мотивам одной лишь тяжести преступления.

По вопросу применения меры пресечения в виде заключения под стражу по мотивам лишь одной лишь тяжести преступления были высказаны справедливые взгляды и замечания со стороны ученых-экспертов и практиков в уголовном процессе Таджикистана.

Так, эксперты считают, что данное положение противоречит международным стандартам права на свободу и личную неприкосновенность и относят ее к слабой стороне нового УПК Таджикистана [7. С. 11–12]. Судьи высказались о том, что на практике следственные органы зачастую обосновывают свои доводы только тяжестью преступления, не предоставляя при этом основания для назначения меры пресечения в виде заключения под стражу. И для того чтобы была избрана данная мера пресечения, органы следствия искусственно возбуждают уголовные дела по тяжким и особо тяжким статьям Уголовного кодекса и после изменяют их на более легкие статьи [7. С. 22–23].

Следует отметить, что согласно ст. 108 УПК РФ тяжесть инкриминируемого преступления не является отдельным аргументом для принятия решения об избрании меры заключения под стражу. По УПК Казахстана (ст. 139 и 141) тяжесть предъявленного обвинения учитывается как дополнительное обстоятельство, а не единственное основание для избрания данной меры пресечения. Однако, как отмечают эксперты, неизбежен тот факт, что в уголовном процессе Казахстана эти требования не всегда соблюдаются. Так, в результате проводимого мониторинга БДИПЧ ОБСЕ в данной стране было установлено, что в 13,8% случаев единственным доводом для избрания ареста являлась тяжесть совершенного преступления [9. С. 30].

Следует подчеркнуть, что вследствие избрания заключения под стражу на основе только лишь тяжести предъявленного обвинения могут остаться неис-

следованным возможные факты непричастности лица к инкриминируемому ему преступлению и опасность необоснованного лишения свободы невиновного лица.

В УПК Таджикистана в ст. 102, в УПК РФ в ст. 97 названы еще и общие основания для избирания меры пресечения, которых следует учесть и при избрании заключения под стражу, в частности, если подозреваемый и обвиняемый могут скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; могут продолжать заниматься преступной деятельностью; могут угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме того, в ч. 1 ст. 101 УПК РТ и ч. 2 ст. 97 УПК РФ записано, что меры пресечения могут избираться также для обеспечения исполнения приговора. Такое основание, как справедливо отмечается в проекте Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ явно противоречит презумпции невиновности и указывает на ожидаемое наказание [9. С. 26]. В этой связи считаем целесообразным исключить «обеспечение исполнения приговора» из перечня оснований для избрания меры пресечения из ст. 101 УПК РТ, как противоречащее презумпции невиновности.

Проблема срока содержания под стражей была и остается одной из острых проблем в уголовно-процессуальной науке. Э.К. Кутуев считает данный срок (до 18 месяцев) неоправданно длительным и противоречивейший такому международно-правовому принципу, как разумность срока содержания под стражей (ст. 9 МПГПП, ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод) [5. С. 123–124]. Мы склонны согласиться с таким суждением, и ниже попытаемся обосновать данный вывод.

Одним из основных гарантий обеспечения прав обвиняемого, в том числе его права на свободу и личную неприкосновенность при содержании под стражей, является неперемное соблюдение исчисления сроков содержания под стражей и особый порядок их продления. Согласно международным стандартам и нормам обвиняемый имеет право на разбирательство дела в течение разумного срока или на освобождение до суда и право быть судимым без неоправданной задержки (ст. 9 и ст. 14 МПГПП; 38 Принцип Свода принципов ООН по задержанию).

В уголовном процессе ряда демократических государств действуют короткие сроки содержания под стражей. Например, в Англии срок ареста до начала рассмотрения вопроса о предании суду по делам суммарного производства не может превысить 70 дней и 112 дней по делам о преступлениях, преследуемых с обвинительным актом [1. С. 111]; в Шотландии содержание под стражей до начала рассмотрения дела судом составляет 110 дней; а в Нидерландах дело может быть рассмотрено судом, если прокурор направит его в суд в течение 100 дней с начала ареста [8. С. 80].

Предельный срок содержания обвиняемых под стражей за совершение особо тяжких преступлений в уголовном процессе Таджикистана установлен в ч. 4 ст. 112 УПК РТ, и составляет 18 месяцев.

Исходя из текста ч. 8 данной статьи, где говорится, что «если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов уголовного дела обвиняемому и его защитнику, которые составляют не позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, были соблюдены, однако 30 суток обвиняемому и его защитнику оказались недостаточными для ознакомления с материалами уголовного дела, следователь с согласия прокурора может возбудить ходатайство (или возбуждает ходатайство) о продлении этого срока перед судом».

Это означает, что указанный в ч. 4 ст. 112 УПК РТ срок не является предельным, так как продлеваемый судом срок ареста для ознакомления обвиняемым с материалами уголовного дела не ограничивается каким-либо определенным временем.

И такое положение явно не соответствует принципу о разумности срока. Комитет ООН против пыток (далее — КПП) в своем Заключительном замечании по Таджикистану выразил обеспокоенность широким применением практики и длительной продолжительности срока досудебного содержания под стражей. КПП рекомендовал Таджикистану принять необходимые меры для сокращения существующего срока содержания под стражей [4].

В контексте указанной рекомендации следует признать, что для Таджикистана было бы приемлемым и в то же время совершенно справедливым сокращение предельного срока содержания под стражей с 18 до 12 месяцев, с возможностью его продления для ознакомления с материалами уголовного дела, только по инициативе самого обвиняемого или его защитника, до 15 месяцев. И это, на наш взгляд, не предел ограничения срока содержания под стражей, которое является проблемой, требующей всестороннего изучения в прикладном аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. Изд. 2-е, доп. и испр. — М.: «Зеркало-М», 2002.
- [2] *Гайдышева М.Г.* Правовое регулирование обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при применении мер уголовно-процессуального принуждения: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2005.
- [3] Доклад НПО о соблюдении Таджикистаном Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. — Душанбе, 2012.
- [4] Заключительные замечания Комитета ООН против пыток. — Таджикистан, 2006.
- [5] *Кутуев Э.К.* Уголовное процессуальное принуждение: вопросы теории и практики: Монография. — СПб., 2004.
- [6] *Махов В.Н., Пешков М.А.* Уголовный процесс США (досудебные стадии). — М., 1998.
- [7] Мониторинг влияния нового УПК РТ на соблюдение прав человека при отправлении уголовного правосудия (анализ законодательства и правоприменительной практики). — Душанбе, 2012.
- [8] *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. — СПб., 2003.

- [9] Судебное санкционирование ареста в Республике Казахстан. Аналитический отчет Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. — Варшава, 2011.
- [10] *Татьянина Л.Г.* Судебное санкционирование как гарантия охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // *Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: Материалы международной научно-практической конференции.* — М.: МАЭП, 2011.
- [11] *Хамрабаева Н.* В прошлом году таджикские суды выдали около 3,9 тыс. санкций на арест // *Азия-Плюс.* — 2012. — 19 янв. URL: <http://news.tj/ru/news/v-proshlom-godu-tadzhikskie-sudy-vydali-okolo-39-tys-sanktsii-na-arest>.
- [12] Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=601>.

ENSURING THE RIGHTS OF THE ACCUSED IN CUSTODY

I.A. Bakhromov

The Department of Criminal Law and Criminal Procedure
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article deals with ensuring the rights of the accused in the application against him of the custody in criminal process of Tajikistan and Russia. A special attention is paid to the problem of the provisions of the law regarding the compliance with the detention periods.

Key words: accused, taking into custody, ensuring the rights, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan.

REFERENCES

- [1] Gyutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *Yugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv.* Izd. 2-e, dop. i ispr. — М.: «Zerkalo-M», 2002.
- [2] Gaydysheva M.G. *Pravovoe regulirovanie obespechenie prav podozrevaemogo i obvinяemogo pri primeneniі mer yugolovno-protsessyual'nogo prinyuzhdeniya: Diss. ... kand. yurid. nayuk.* — Kaliningrad, 2005.
- [3] *Doklad NPO o soblyudenii Tadjhikistanom Konventsii protiv pytok i dryugikh zhesto-kikh, beschelovechnykh i yunizhayuschikh dostoinstvo vidov obrascheniya i nakazaniya.* — Dyu-shanbe, 2012.
- [4] *Zaklyuchitel'nye zamechaniya Komiteta OON protiv pytok.* — Tadjhikistan, 2006.
- [5] Kyutyuev E.K. *Yugolovnoe protsessyual'noe prinyuzhdenie: voprosy teorii i praktiki: Monografiya.* — SPb., 2004.
- [6] *Makhov V.N., Peshkov M.A. Yugolovnyy protsess SShA (dosyudbnye stadii).* — М., 1998.
- [7] *Monitoring vliyaniya novogo YuPK RT na soblyudenie prav cheloveka pri otpravlenii yugolovnogo pravosyudiya (analiz zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki).* — Dyu-shanbe, 2012.

- [8] Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Kommentariy k Yugolovno-protsessyual'nomyu kodeksyu Rossiyskoy Federatsii. — SPb., 2003.
- [9] Syudebnoe sanktsionirovanie aresta v Respyublike Kazakhstan. Analiticheskiy otchet Byuro po demokraticheskim instityutam i pravam cheloveka (BDIPCh) OBSE. — Varsha-va, 2011.
- [10] Tat'yanina L.G. Syudebnoe sanktsionirovanie kak garantiya okhrany prav i svobod cheloveka i grazhdanina v yugolovnom syudoproizvodstve // Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v yugolovnom syudoproizvodstve: Materialy mezhdynarodnoy nayuchno-prakticheskoy konferentsii. — M.: MAEP, 2011.
- [11] Khamrabaeva N. V proshlom godu tadjikskie syudy vydali okolo 3,9 tys. sanktsiy na arest // Aziya–Plyus. — 2012. — 19 yanv. URL: <http://news.tj/ru/news/v-proshlom-godu-tadjikskie-sudy-vydali-okolo-39-tys-sanktsii-na-arest>.
- [12] Sayt Syudebnogo departamenta pri Verkhovnom Syude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=601>.